

Оглавление

От составителей	13
-----------------------	----

Глава первая **Сто фактов обо мне**

<i>Павел Пепперштейн</i> Молочное братство	15
Рождение	29
О сверстниках	30
Бабушка	30
О папе	31
Мой первый рубль	33
Чему меня научил мой первый гомосексуальный опыт	34
СПИД	36
О советской власти	39
Уехать. Вернуться. Снова уехать	39
Закон о возвращении	40
Об эмиграции	48
О России	49
Почему я dolboeb	49
Могут ли долбоёбы из РКН запретить слово dolboeb	50
Газета.Ру	52
Об отдыхе	53
О Живом журнале	53
Америка	54
О Горохе	57
Музыка в моих ушах	57
Я вчера женился	59
О Лёве	59
О мозгах	60
Чего я никогда не делал	61
Год без Ленты.ру	61
Жиртрест, колбаса, промосиска	62
О свободе	63
Пресненский суд поздравляет меня с 50-летием	64
Май дей ын корт, как сказал бы Мутко	64
Сколько можно бояться	65
Последнее слово в суде	66
О жлобстве	71
Пираты выпустили фальшивую книгу от моего имени	73
О вере и смысле жизни	74
Нерукоподатность	75
Наркомфин	77
Если просят — сделай. Благодарности не жди	77
16 лет вместе	78
Смерть	80

Глава вторая **Ни слова о шин-гимеле**

<i>Демьян Кудрявцев</i> Еврей и человек	83
Декретное время	91
Можно ли бороться с террористами их же методами?	95
Неделя имени Кошаровского	96
Без креста	101
Как мы пели за деньги	103
Всю жизнь — займы	108
Урок перспективы	113
Заметки у позорного столба	120
Так покупать или не покупать?	123
Ни слова о шин-гимеле	124
Почему в Палестине до сих пор нет двух государств?	126
50 лет назад Иерусалим стал нашим, окончательно и навсегда	127
Про уехавших из Израиля	132

Глава третья **Кто придумал Рунет**

<i>Арсен Ревазов</i> Несколько эпизодов с Антоном Носиком в главной роли	139
Кто придумал Рунет	149
Русский интернет, начавшийся в Меа Шеарим	151
Рука руку моет	154
Почему идеи ничего не стоят	156
Амбарные книги www	158
Заметки о компьютерной угрозе	158
Как появилась первая интернет-газета на русском языке	162
Откуда в "Ленте" взялась Галя Тимченко и её команда	166
Откуда в "Ленте" взялись читатели	167
Как кончается всё	170
Пессимизм	170
Как я уволился из Ленты.ru	171
Жизнь после LiveJournal	173
LiveJournal после жизни	175
Стереть Сирию с лица Земли	177
Лента.ru — против трусости и подлости	179
Лента точка RIP	181
Стартапы после 2014-го	182
Новая эра для качественных русских СМИ	186
Великий кормчий Цукерберг	189
Вывести Цукерберга из-под юрисдикции ФСБ	190
Большая война Украины против России: без меня, пожалуйста	191
Социальные сети и революции в арабских странах	193
Нынешняя поляна социальных сетей и куда мы идём	196
#ЯнеБоюсьСказать: фестиваль домашнего порно	201

ФСБ взломала Телеграм: как отличить дурака от подлеца, когда рассказывают эту байку	202
Растлители природы и убийцы сознания	204
Про Жарова и Дурова: все точки над і	205
Об эффектах и последствиях ограничений	210
О внутренней мотивации административных запретов	210
О том, какой бизнес ещё возможен в русском интернете	211
О потенциале конфликта молодёжи с властью	212
Как блогеров приглашали бескультурье олицетворять	213
Как запрещали в США и как запрещают в России	214
Коуаанисqatsi	215
Руки прочь от слона	216

Глава четвёртая Почему жить нужно в Венеции

<i>Глеб Смирнов</i> Антон на ноооблаке	219
Есть ли жизнь в Венеции	245
Венеция как Иерусалим	252
Старик и море: как дож Венеции женился на Адриатике	255
Плач барнабота на камнях Венеции	257
Почему жить нужно в Венеции	259
Флоренция против Венеции	260
Литературная Венеция	261
Почему нельзя верить Бродскому	267
Как венецианцы открыли Америку	268
Почему в Венеции контрафактная пицца	270
Смерть и Венеция	273
Сегодня битва с голубями	275
Собачья жизнь в Венеции	278
Свинцовые мерзости итальянской жизни и куда от них деваться	279
Венеция: накануне сотворения мира	283

Глава пятая Правильный выбор — свобода

<i>Евгения Альбац</i> Сны с Антоном Носиком	287
Кризис, цензура, жизнь	291
6 часов до конца регистрации	293
Контора пишет	294
Откройте, полиция	294
Лытдыбр: на допрос	295
Конец веселья	295
Man as Media: когда за мной придут?	296
Семь процентов	297
Писатель на все времена	298
Пять лет лагерей	298
Не бояться и делать, что надо	299

Возвращение деревянных солдат	299
Хеллоу, Киров! Зыс ыз Барак Обама	300
Фри #Навальный райт факинг нау	300
Договориться с Кремлём	301
#Навальный — кандидат от интернета	302
Агитаторы с шилом	304
Собянин прислал таджиков	304
Открытое письмо кандидату	305
Доброе утро #Навальный	306
Увидимся сегодня на Болотной	306
Приговор Навальному: послесловие	307
Старательский вальсок	308
Дело Бейлиса: опыт несотрудничества	309
Служка за блогерами или распил бюджета?	313
Открытка кооперативу “Сосны”	316
סוספ הוס*	317
Прокуратура шутить изволит	318
Новое дело Навального	319
Казус Ксении Собчак: как Роскомнадзор опозорил Россию на весь мир	320
Почему я иду на выборы	321
Что такое “экстренный случай”?	323
О преступлении братьев Навальных	324
Внезапно	324
Сакральная жертва: почему убийц Немцова не будут искать	325
Убийство Немцова и конспирологи	326
Жулики с улицы Савушкина снова прославились на весь мир	328
Ветхий Завет и другая экстремистская литература	329
Палочная система explained	331
451° по Фаренгейту	332
Экстремизм Чебурашки	333
Давненько в Рунете ничего не запрещали. На очереди — общение	334
Отключить Россию от интернета	336
Как победить мыслепреступления	338
Бабушкин компот — страшное оружие ЦРУ	340
В России вносят поправки к закону Ома	342
Зачем понадобились подростковые самоубийства	343
Как украсть триллион. Коррупционная составляющая в “пакете Яровой”	345
Реализация “пакета Яровой-Озерова”: или ишак, или падишах	346
Два года лагерей за перепост	348
Приговор инженеру Бубееву	349
Спасибо Павлу Дурову за человеческий пример	349
Лучший оберег от Поклонской и Залдостанова	350
Двушечка Кунгурову за пост в ЖЖ: это касается каждого	352
Для тех, кто в танке: Украина и Россия не находятся в состоянии войны	352
Туркменистан — це не Европа	354
Против сноса Москвы: почему это важно	356

* Конец (стиха), точка (ивр.)

Ответ Варламову про “самовыпил” Навального: при этой власти сидеть в тюрьме — не грех, а доблесть	357
Гапоновщина, Азэфовщина, Лимоновщина	361
Решение проблемы Крыма. Почему он не бутерброд	363
Как мы отпраздновали День России	366

Глава шестая Почему поэты не сумасшедшие

<i>Дмитрий Быков</i> Превратившийся в тексты	373
Как умер Радищев	375
Последний путь Мандельштама	377
Нет у меня другой любви?	378
Почему поэты — не сумасшедшие	381
Саша Соколов и Сэлинджер: чем заточник отличается от буддиста	384
Плохой Преображенский и хороший Швондер: нет ли здесь антисемитизма	388
Про Эллендею, Карла и издательство “Ардис”	390
Нужно ли защищать Довлатова от Быкова	392
Президент музея копий и репродукций — против копий и репродукций	393
Как запрещали “Тайную вечерю”: Россия, век 19-й	397
“Чаепитие в Мытицах близ Москвы”	397
Печальное возвращение	400
80 лет Илье Кабакову	406
Элегия из сборника “Стихотворения Михаила Генделева. 1984. Памяти сословия”	411
Можно ли не понимать искусство?	415
Гений и злодейство: история убийства Моцарта со счастливым концом	420

Глава седьмая Перевернутый мир

<i>Лев Рубинштейн</i> Социальная сеть	429
Седьмое ноября	435
Сегодня моё мнение такое	437
Экономика кровавого навета	439
Pussy Riot	443
Чёрный сотня, что ты вьешься	444
Сколько лет давать за “трейлер” и “спойлер”?	444
Виталий Калоев: послесловие	449
Человек без мозгов	450
Авторские права по-советски	451
Кто съёл Манеж	454
Пессимум в “деле Кашина”. Физиология общественного резонанса	455
Про мавзолей	457
Мысли о богохульстве	458
Про Горбачёва	460
Откуда берётся однопартийность	461

Выйти на площадь	462
Конституция, которой нет	463
Кумиры нам сняты по-прежнему	465
В Вологде где	465
Еврейский вопрос фашизоидам	466
Здравствуй, запрет на профессию	467
Как тавроскифы Корсунь цивилизовали	468
Двоемыслие, как и было сказано	469
После Путина	471
Путин жил, Путин жив, Путин будет жить	472
Кагешники среди нас: параноя и здравый смысл	474
Почему советской власти никогда не хватало денег	476
Патриотизм: от любви до ненависти	478
Москва без москвичей: как варяги борются с городским населением	480
“Пост-правда” по-рязански: как исправляли биографию Циолковского	484
Как я полюбил Кристину Потупчик	485
Как приват-доцент Тарле батюшку-царя поддерживал	488
Августовский путч и внутренняя свобода	489
Социализма с человеческим лицом не бывает	490
Полёт Гагарина — заслуга Хрущёва	491
Какой след оставляют в истории стальные яйца	492
Бардак Обмана: послесловие	495
Трампутин: можно ли управлять Америкой как стадом думских баранов?	498
Вы охуели, дорогие киевские коллеги	501
Путин, Ганди и коза: диалог продолжается	505
Если человек в России провозглашает себя “левым”, то он провокатор и мурзилка	507
Почему наши дети не будут жить при этом государстве	508

Глава восьмая **О самом трудном в благотворительности**

<i>Катерина Гордеева</i> Несправедливость подлежит исправлению	515
То, что бывает с другими	523
Хорошие новости с утра пораньше	524
Мы напишем в Спортлото	525
Сколько можно обсуждать Путина?	527
Спасти Машу Дееву	529
Маша Деева: отчёт за первый день	532
Маша Деева: ищем партнёров	533
Про Машу Дееву: вторая неделя	534
Маша Деева: телерепортаж	535
Маша Деева: промежуточный отчёт	535
Как помочь тем, кому не положено помогать	536
Что мне подарить на день рождения	538
Умерла Маша Деева	539
Лечение в Израиле за \$ 200 000: как ответить дуракам и жуликам	540
Правила добрых дел. Рекомендации для тех, кто хочет заняться благотворительностью	548

В каком случае не нужно задействовать благотворительные фонды	548
Мифы и легенды о российской благотворительности	551
Спасибо за тренажёр	558
Миллионы Жанны Фриске: снова о частных счетах	560
Новый закон об иностранных агентах: о чём эта песня	562
Зачем нужны фонды?	564
Ноу комментс: зачем писать о том, о чём никто не хочет читать	566
Доктора Лизы больше нет	568
Доктор Лиза: памяти хорошего человека	569
Короткий номер 2222	571
Ура, друзья, мы снова спасли человека	572

Антоша,
нам было очень тяжело делать эту книгу без тебя.
За три года, пока всё это длилось, мы испытали массу
сомнений, возникло огромное количество спорных мест, порой
вообще всё шло наперекосяк (о пандемия!), и единственным,
кажется, неизменным критерием для нас оставался тот,
чтобы всё это не оказалось унылым говном, которого бы ты
точно не одобрил (да-да, в твоей книге нет отточий и
звёздочек на месте не самых приличных слов).
Теперь уже поздно оправдываться, что есть то есть, прочти
и дай как-то знать, что думаешь.
Ну всё.

Я родился в московском роддоме имени Грауэрмана 4 июля 1966 года около 8 часов пополудни. В то время он находился на Калининском проспекте. Теперь уже нет в Москве ни Калининского проспекта (он переименован в Новый Арбат), ни роддома Грауэрмана (видимо, кому-то в дни дикой приватизации глянулся уютный особняк, где это учреждение располагалось). Остался лишь гигантский экран на стене здания, где показывают рекламу. Что там показывали в советское время, не помню, но явно не рекламу. Кажется, киножурнал “Новости дня” про ход уборки озимых.

Говорят, моему появлению на свет способствовало светило московского акушерства, профессор Исаак Рафаилович Зак, ставший спустя 19 лет моим тестем, а ныне обитающий в районе Ocean Parkway, что на Брайтон-бич. Исаак Рафаилович был врач от Бога, однако же национальность сильно вредила его карьере. Один его аспирант возглавил ВНИИАГ, другой — МОНИИАГ, а профессору до конца медицинской практики приходилось довольствоваться должностью заведующего отделением в синем палаццо на улице Чернышевского, под началом второго из упомянутых аспирантов (тот был тоже еврей, но лучше законспирированный). Теперь улицы Чернышевского тоже нет, вместо неё Покровка, но МОНИИАГ, насколько могу судить, остался на прежнем месте, хоть особняк покрупней Грауэрмана. Интересно, что отец Зака, тоже весьма известный в Москве акушер Рафаил Лазаревич Зак, состоявшийся как медицинское светило до Шестидневной войны 1967 года, не подвергался подобным преследованиям и закончил карьеру в каких-то очень высоких медицинских чинах, при орденах.

Мои родители зачали меня осенью 1965 года по уговору со своими друзьями, супругами Пивоваровыми, тогда же решившими заводить ребёнка. Накладка, однако, состояла в том, что я очень не хотел рождаться, и в результате долгих уговоров согласился явиться на свет лишь спустя 10 месяцев после зачатия (41 год спустя мой сын Лев Матвей Антонович унаследовал эту неторопливость, пересидев в утробе больше двух недель). Поэтому Павел Витальевич Пивоваров (ака Павел Пепперштейн), зачатый со мной одновременно и ставший моим молочным братом, родился 29 мая 1966 года, на 35 дней меня раньше, зато в один день с Леонидом Леонидовичем Делицыным*, о существовании которого он, впрочем, едва ли подозревает.

* Доктор технических наук, доцент Московского государственного института культуры, аналитик Группы компаний ФИНАМ, ст. науч. сотрудник Института физики Земли РАН. В 1990-е годы, будучи аспирантом Университета штата Висконсин, стал одним из зачинателей Рунета: организовал литературный

Я не очень много помню про времена своего рождения. Первые воспоминания детства относятся у меня к 1970 году, когда мы с мамой на лето поехали в страну Чехословакию.

О сверстниках

[20.06.2017. ЖЖ]

Мы с Павлом Витальевичем Пепперштейном росли двумя малолетними старичками, своей детской компании у нас практически не было: нас не интересовал их футбол во дворе, а сверстникам не интересно было писать, шивать и иллюстрировать собственные книги, чему в основном посвящалось наше внешкольное время (потому что Кабаков и Пивоваров в ту пору стали делать альбомы — и *gole model* всегда маячила у нас перед глазами). Социализироваться в собственной возрастной группе мы начали только тогда, когда заинтересовались сверстницами, а до того всё наше детство протекало в родительских компаниях. Я об этом нисколько не жалею, и надеюсь написать ещё мемуары, но вот про Лёву (сына. — *Ред.*) твёрдо уверен, что ему полезно иметь общий язык с детьми его возраста. И когда вижу, что он эту мою уверенность разделяет, — тихо радуюсь.

Вообще, меня страшно бесят родители, которые почему-то убеждены, что дети должны провести детство точь-в-точь как оно прошло у них самих. Ровно в той же пропорции между рыбалкой, бадминтоном и велосипедом, лыжами и санками. Хотя времена изменились, и возможностей у сегодняшнего ребёнка в бесконечное количество раз больше. То, чем они занимаются в своём Скайпе и Снапчате — мы про это, извините, читали у Толкиена, насчёт Палантира, или смотрели “Отроки во Вселенной” — там как раз фантасты гениально додумались до видеочата, который сегодня привычен любому дошкольнику, а в нашем детстве взрослые считали, что это *rocket science*, технологии будущего строго для космонавтов...

• • •

[12.10.1972. Записано В.Мочаловой]

— Я заболел, мам. У меня такая болезнь — раздражение. Я лежу с открытыми глазами и как будто на меня несётся бык. А если закрываю глаза, то как будто я в чёрном лабиринте, и на меня изо всех углов бросаются собаки.

В.М.: Может, это конфетой полечить?

— Нет, это ничем не лечится.

Главная легенда про войну в нашей семье касается поведения на фронте моей бабушки, которая закончила войну в чине капитана. Она была чудовищная чистоплюйка и таковой осталась до конца жизни. Больше всего в жизни она ненавидела грязь и нарушение санитарно-гигиенических норм. Когда давали воздушную тревогу, она отказывалась ложиться на пол в блиндаже, потому что это грязно, отказывалась идти в бомбоубежище, если оно было недостаточно санитарно оборудовано. Всем этим она доставляла чудовищные переживания окружающим. Но она настояла на своём до конца войны.

О папе

[22.03.2015. Эхо Москвы]

Мой папа всю свою жизнь писал прозу. И писал её в стол. В Советском Союзе это была распространенная, окружавшая меня со всех сторон практика, когда люди искусства “в миру” имели некую профессию, про которую советская власть знала и за которую платила им зарплату. А было то, что они делали для себя, творчество. И это творчество не подразумевало публикаций. И папа мой писал.

Писатель в Советском Союзе был номенклатурой, а папа номенклатурой быть не хотел, не хотел писать произведения в духе социалистического реализма о борьбе хорошего с лучшим под чутким руководством коммунистической партии. Поэтому ему надо было придумать себе какую-нибудь официальную нишу. И он придумал её с лёгкостью. Будучи человеком, любящим путешествия, историю, очень много читающим, он стал писать то, что сегодня называют нон-фикшн: документальные книги о путешествиях по России, биографии разных интересных людей. Например, в серии “Жизнь замечательных людей” вышла его биография Альберта Швейцера*, много раз изданная на разных языках. В том числе на немецком, по-моему, 14 раз переизданная.

Папа был 1931-го года, а это значит, что начало сталинской антисемитской кампании пришлось как раз на его окончание школы. На вступительном экзамене в Московский государственный университет он получил дополнительный вопрос от экзаменатора: перечислите все железнодорожные станции от Москвы до Свердловска... После чего отправился защищать советско-турецкую границу.

* Носик Б.М. Альберт Швейцер. Белый Доктор из джунглей. М.: Молодая гвардия, 1971; 2003.

Он служил в Армении, с прекрасным видом на Арарат. Я неоднократно там бывал, специально ездил на эту станцию.

Я читал папину прозу в машинописи. Первый роман — кстати, утраченный, забытый в такси вместе с пишущей машинкой — был написан в 1973 году. Мне тогда было 7 лет. А второй роман, который сохранился, — это уже 1974-1975 годы. Я прочёл его, когда мне стало достаточно лет, чтобы это было доступно моему разумению: где-то уже в подростковом возрасте, тогда же, когда прочёл “Войну и мир”.

Папиного “возвращения в литературу” так и не произошло по сей день. Но переживать об этом моему папе было некогда. Потому что 24 часа в сутки он был занят созданием текстов. Текстов любых — и обо всем. Ему был бесконечно интересен сам процесс: и исследовательский, и писательский. Он целиком был поглощен им. У него не было сложности отношений с собой-писателем и собой-документалистом. Но в последние лет 30 он и сам смецался от художественной прозы к документальной. Потому что когда ты живёшь отдельно от своего читателя, то документальная проза — повествование про факт, про историю — это всё-таки твой общий с ним язык. Ту Россию, где остался его читатель, папа знал очень плохо и мало. Всю его связь с Россией составлял сайт “Эха Москвы”. Он существовал в контексте того прошлого, которое он исследовал. Уехав во Францию в 1982 году, он законсервировал некий свой здешний экзистенциальный опыт, поставив в нём точку именно в 1982 году. Он приезжал в Россию, но это закончилось его первой кардиологической операцией, и врачи запретили ему летать. С того момента он перестал ездить сюда, перестал ездить в Америку к семье, к сёстрам, которые живут в Бостоне. Он стал жить между деревней летом и Лазурным берегом зимой. И эта новая география тоже стала предметом его исследований.

...Как он мог сжечь мосты? Тут же был я. И вся остальная его семья, эмигрировавшая потом, в конце восьмидесятых. Это была очень важная часть его жизни — семья. Он не готов был, как многие герои его книг — например, Виктор Кравченко, автор воспоминаний “Я выбрал свободу” — выбрать свободу, пожертвовав семьей. Это очень важное обстоятельство в его биографии. Поэтому он женился, во Франции он не был эмигрантом, он был на ПМЖ.

Кладбище в Ницце, на котором мы похоронили папу, — бывшее Николаевское кладбище, а теперь Русское кладбище Кокад, — это

потрясающее место, где похоронены многие папины персонажи*. И супруга Александра Второго там похоронена, и один из братьев Жемчужниковых, создателей Козьмы Пруткова. Композитор Сабанеев, критик Адамович, который фигурирует в папиной биографии Набокова как ненавистник писателя. Забавно: теперь он папин сосед. Или вот история этой княгини Юрьевской-Долгорукой, которая была морганатической супругой Александра II, когда он овдовел. Он смог на ней жениться, но это был уже 1880-й год, а в 1881-м его взорвали... Она умерла в 1922-м, в Ницце. Похоронена прямо через дорожку от папы. Он писал о ней в книге "Русские тайны Парижа".

• • •

[январь 1973. Записано В.Мочаловой]

Стать философом очень просто. Надо поставить один вопрос и дать на него все ответы.

Например, зачем человек учится в школе? Он там учит все непозволенное, чтобы, когда, например, попадет в плен, сделать это непозволенное, — они же не ожидают, что он так сделает, — и убежать.

Зачем бежать из плена? Чтобы не быть на смерти.

А зачем не быть на смерти? Чтобы жить.

Зачем жить? Чтобы было много удовольствий. Если ты умрешь, то не увидишь травы, не услышишь шорох листьев, не пошевелишь рукой.

...От плена можно так ещё избавиться: предать своих. Но и тогда убьют: и те убьют, и эти. Или простыдишься на всю страну, все же будут рассказывать — и простыдишься. Лучшие бежать.

Вот зачем человек учится в школе. Ты сама могла бы догадаться об этом?..

Мой первый рубль

[16.02.2001]

Свой первый рубль я заработал, когда отец взял меня в экспедицию на озерном тягаче. Это были такие ужасно уродливые корабли, которые толкали баржу, вопреки своему названию. И там мне несколько раз капитан давал порулить судном — с последствиями,

* Этому кладбищу посвящена последняя, посмертно вышедшая книга Бориса Носика: "Был целый мир, — и нет его... Русская летопись Лазурного Берега", сопровождаемая предисловием Антона Носика (М.: Текст, 2016).

как я помню, катастрофическими. Но в конце нашего путешествия он начислил мне, по-моему, 63 копейки жалования как матросу за вахтой рулевого. А потратил я их в каких-то портовых городах — как сейчас помню, они назывались Ярославль, Кострома, Рыбинск, — на всякие гадости, которые мне безумно нравились и которые я купил в подарок маме. Это были какие-то чудовищные бижутерные диадемы, до сих пор страшно вспоминать.

Чему меня научил

мой первый гомосексуальный опыт

[16.06.2016. ЖЖ]

Лет мне было 17, учился я на первом курсе ММСИ им. Семашко (ныне МГМСУ), и половину всякого рабочего дня проводил в метро, потому что кафедры нашего института были разбросаны по всей Москве, от Соколиной горы и Новогиреево до улицы *Саля-Мудила**, что за Мнёвниками, напротив Крылатского. Учебный день мог начаться практическими занятиями по хирургическому уходу на Коровинском шоссе, продолжиться латынью на Делегатской улице и завершиться физкультурой в Измайловском парке. Соответственно, значительная часть моей самостоятельной учёбы протекала в вагонах московского метро, по пути домой из института.

И вот еду я как-то ненастным осенним вечером из анатомического театра на Соколиной горе в сторону родной станции *Ручной факзал*, где-то в районе Маяковской удаётся урвать сидячее место, и я раскрываю второй том атласа анатомии Р.Д. Синельникова (в те времена студенты-медики учились по трёхтомному изданию, отпечатанному в ГДР). Я изучаю строение таза в сагиттальном разрезе, много нового для себя узнаю. Попутно замечаю, что интеллигентный очкарик, сидящий от меня справа, тоже внимательно рассматривает картинку, в которую я уткнулся.

Постепенно, ближе к Войковской, завязывается между нами разговор за жизнь, который мы, сойдя на конечной станции, продолжаем уже на скамеечке, от Рафаила Давыдыча и его красивых картинок отвлёкшись. Обсуждаем тяготы студенческой жизни, сложности с учебной литературой (мой собеседник — старше года на три и учится на юрфаке), находим общие вкусы в музыке... Но постепенно начинаю я замечать во взгляде и интонациях нового знакомого (назвавшегося Аркадием) прежде незнакомые, но, увы, без слов понятные и совершенно мне неприятные признаки кое-как сдерживаемого полового влечения. Мне становится одновременно и жутко, и тошно, и неуютно от сознания, что мой визави,

* Улица Саляма Адиля.

хоть и беседует цивилизно за Jethro Tull и Yes, в то же время рассматривает меня как объект для полового акта и выгадывает момент, чтобы сделать мне какое-нибудь предложение по этому поводу. Стоит мне об этом подумать, как “Аркадий” вдруг вспоминает, что его квартира в двух остановках от метро совершенно свободна сегодня вечером, и там можно послушать новый диск “Квинов”. Так себе новый, конечно, слушан уже этот Hot Space и переслушан за полтора года, но у “Аркадия” — не жёваная какая-нибудь кассета с тридцать третьей копией, а оригинальный английский винил, вертушка “Грюндиг” с усилком и колонки крутые, предки из загранкомандировки привезли... Я каким-то непредставимым внутренним усилием преодолеваю оцепенение, встаю со скамейки, прощаюсь без рукопожатия и, резко развернувшись, ухожу к эскалатору, не оглядываясь. “Аркадий”, вероятно, так там и остался сидеть. Думаю, он меня понял не хуже, чем я его.

Хочется написать “больше мы с ним не виделись”, но шарик довольно маленький, прослойка узкая, и через четверть века наши аккаунты задружились на фейсбуке, где мой неудавшийся совратитель зарегистрирован под настоящим именем, со всеми регалиями. Он нынче — управляющий партнёр крупного венчурного фонда и гражданин Америки, в России бывает наездами... Но вернёмся в 1983 год.

Боже, какая мерзость, думал я, забившись в резиновые складки 233-го “икаруса”. Ну что за ёбаный стыд. Как же так можно?! Разговаривать с человеком как с другом, по душам, интересоваться его мнением про арт-рок, когда на самом деле всё, чего ты хочешь, — это тупо его выебать... Фу таким быть!

А потом я вылез из автобуса на свежий воздух — и тут-то со мной случилась та самая тяжкая юношеская травма, которая в значительной степени предопределила всю мою личную жизнь в последующие 33 года. Мне в голову пришла простая мысль, которая обожгла меня, как удар тока.

Мысль о том, что и сам я, когда домогаюсь какой-нибудь девушки, просто потому, что нашёл её внешне привлекательной, выгляжу в её глазах в точности так же, как этот самый “Аркадий”. Который беседовать готов о самом разном, а хочет, в сущности, одного. И совершенно не того, чего хочется его собеседнику. И собеседник тоже это хорошо понимает, но по каким-то причинам вынужден терпеть этот кошачий концерт неуклюже завуалированной похоти. А иногда и уступить — но не потому, что так захотелось, а просто чтобы тему уже закрыть.

Перед моими глазами прошла череда моих юношеских донжуанских побед, уговоров, заманиваний, совместных распитий с понятной конечной целью; к слову вспомнилось определение

“зануда — тот, кому проще дать, чем объяснить”. Мне стало стыдно за некоторые эпизоды, которыми, как мне казалось раньше, мужчина должен гордиться. И все эти мысли пришились мне в тот ненастный осенний вечер очень конкретным серпом по яйцам.

Можно сказать, что личная жизнь моя с той поры основательно переменялась. Я очень много приложил усилий к тому, чтобы никогда больше не показаться какой-нибудь девушке таким вот суетливым “Аркадием”, с дежурной болтовнёй на устах и похотью в голосе.

Довольно скоро выяснилось, что никакого особенного героизма такая перемена в поведении от мужчины не требует. Просто нужно повнимательней следить за собеседником, его реакциями на тебя и твои действия, пытаться понять его настроение и жизненные принципы, — перед тем, как решить, может ли между вами что-то случиться и уместно ли думать в этом направлении здесь и сейчас.

Это не значит, что женщин или секса в моей жизни стало меньше — тогда, или когда-нибудь впоследствии. Это всего лишь значит, что никакие мои отношения с прекрасным полом не выстраивались на навязывании себя, домогательствах и принуждении. Чужое “не хочу” стало для меня непреложным законом — именно в память о том моём собственном “не хочу”, которое я почувствовал в далёком 1983 году, встретившись с “Аркадием”. Почти 33 года с тех пор прошло, но я совершенно точно знаю, что ни у кого не хотел бы вызвать таких чувств и такой внутренней реакции.

Не стоит думать, что эта перемена сделала меня или моих подруг сильно счастливее в личной жизни, что я превратился в безупречного рыцаря и галантного кавалера и никакой женщине не дал повода для глубокой и долгой обиды. Может быть, даже наоборот: из-за нежелания кому-либо навязываться я всегда более охотно сходилась с женщинами, явно проявлявшими ко мне интерес, — а при таких вводных довольно высока вероятность, что подруга заинтересована в тебе больше, чем ты в ней, и эта асимметрия создаёт почву для многих последующих обид и страданий. Кроме того, существуют на свете такие женщины, которые любят, чтоб их добились, упорно и настойчиво, всеми средствами и любой ценой — как кузина Ира из прелестной заметки Славы Сэ, пушкинская Наина или героиня Джейн Фонда из последней соррентиновской мелодрамы*. Возможно, если б я не боялся проявлять чрезмерную настойчивость, то с какой-нибудь из таких барышень мог составить бы вполне счастливую пару.

* “Молодость” (2015).

Я был знаком с человеком, который первым завёз на советскую территорию вирус иммунодефицита человека.

Он приехал в СССР в 1984 году из Африки. Советские газеты (в основном “Литературка”) пестрели в те времена рассказами о том, что СПИД нарочно выдуман в секретных лабораториях ЦРУ США для истребления жителей стран Третьего мира, выступающих против американского империализма. Интересно, что первую публикацию на эту тему Советы разместили в каком-то индийском таблоиде, и “Литературка” ссылалась уже на него, чтобы придать бреду видимость независимого мнения экспертов из стран неприсоединения. Фамилия мужика была Красичков, и был он инженер, родом из Запорожья. Ещё он был пассивный гомосексуалист. Советская власть оказала ему особенное доверие, послав строить в Танзании промышленные объекты.

Слово Танзания — новоязовское сокращение по типу КуКрыНикСов — возникло на пустом месте в 1964 году, когда власти независимой от колониализма с мая 1961-го страны Танганьики спонсировали геноцид мусульманских жителей соседнего острова Занзибар, тоже вполне независимого от европейцев султаната, чтобы его аннексировать. Геноцид прошёл удачно, аннексия состоялась, и, чтобы оставшиеся в живых жители Занзибара не чувствовали себя обиженными, страну Танганьика тоже переименовали в United Republic of Tanzania (TANganyika+ZANzIbAr). Советская власть решила, что новорожденную Танзанию стоит поддержать, покуда этого не сделали Британия и Штаты (слегка охуевшие от геноцида в Занзибаре, но интересов в Восточной Африке не утратившие). Поэтому СССР обещал помочь Танзании наладить промышленное строительство. И послал туда лучшего своего специалиста, инженера Красичкова из Запорожья.

С задачами промышленного строительства наш инженер справился, надо полагать, на ура. Но и другие волновавшие его вопросы он тоже решил в лучшем виде. Нашлись независимые танганьикцы, готовые его любить, и они любили его, и заразили ВИЧ-инфекцией, о существовании которой мало кто в те годы знал что-либо. Потом его каденция в Дар эс-Саламе закончилась, и он вернулся в СССР. Вернее, в Москву, благо танзанийский заработок давал такую возможность. А тут уже 30 человек полюбили его без профилактики, как Кукуц и Мукуц в сауне, с самыми разнообразными для себя последствиями. Москва — город греха, Фрэнк Миллер отдыхает.

Так инженер Красичков подарил Советскому Союзу “чуму XX века” (модное в те годы название СПИДа в прессе и документах

ВОЗ), но известно обо всём этом стало лишь пару лет спустя, когда соввласть сподобилась закупить на Западе диагностические тесты, и при инфекционных больницах открылись лаборатории, где можно было провериться. Красичков каким-то чудом сообразил, что ему туда надо — и в 1985 году стал узником 2-й инфекционной больницы на Соколиной горе, главной достопримечательностью в хозяйстве ведущего отечественного инфекциониста академика Петровского.

Что “чума XX века” — дичь и баян, любому человеку, смыслящему хоть немного в инфекциях, ясно было сразу. Путь заражения ВИЧ-инфекцией — т.н. инокуляция — в точности соответствует тому, как заражаются вирусным гепатитом В. Для гарантированного заражения возбудитель необходимо вводить в кровь, например, путём инъекции. Заражение половым путём требует наличия свежих повреждений слизистой оболочки, через целые покровы вирус не может пробиться. Исключение составляет задний проход, где близко к просвету кишки расположена венозная сеть, и жидкости всасываются там в кровоток довольно активно. В общем и целом контагиозность порядка 0,4% — то есть одно заражение на 250 контактов, считающихся опасными. При том, что контагиозность первично-лёгочной чумы, передаваемой воздушно-капельным путём, стремится к 100%. Так что сравнение притянута за уши. Однако ж в разных общественных и медицинских организациях сразу почувствовали, какие огромные бюджеты можно срубить под борьбу со СПИДом, и исключительно этими соображениями диктовалось частое повторение страшилки про чуму. Бог им судья. Вреда от этой страшилки всяко не случилось.

Красичков несколько лет прослужил наглядным пособием для студентов, ординаторов и аспирантов, изучавших на Соколиной горе инфекционные болезни (включая и автора этих строк). Потом он умер — приблизительно в то же время и от тех же причин, что и прославленный уроженец Занзибара Фарук Бульсара, которого от танзанийского геноцида спасло в 1964 году бегство семьи в Великобританию. К сожалению, от СПИДа 20 лет спустя оно его не спасло.

Другим весьма эффективным импортёром инфекции в СССР стал гражданин Республики Куба, боцман, ходивший в советские порты на торговых кораблях под флагом не помню какой страны. У него были густые усы и семья в шести портовых городах Союза, где его судну случалось бросать якорь. Понятно, что все шесть семей получили инфекцию: несмотря на всю мифологию про высокий уровень медицины у Кастро, презервативов боцман не уважал.

Дальше уже СПИД стал распространяться по СССР без помощи зарубежных гостей, поскольку сама по себе идея одноразовых шприцев, скарификаторов и капельниц была советской плановой

медицине чужда. Они считались недопустимым развратом для советского человека, и нигде не употреблялись (кроме, вероятно, Кремлёвки). Так что в некоторых стационарах (в основном в провинции) счёт заражённых при медицинских операциях и трансфузиях шёл на десятки. Знания о СПИДе в те годы были в основном мифологичны, так что к заразившимся в обществе относились как к прокажённым в Средневековье.

NB: всю историю Красичкова и кубинского бодмана я пишу по памяти. Гугл про Красичкова знает только то, что я о нём сам писал где-то в ЖЖ. Есть ещё ровно одно свидетельство в форумах, от человека, видевшего Красичкова в 1985-1986 годах во время своей учёбы в медучилище.

О советской власти

[15.03.2006. Разговорчики]

Я много времени посвятил жизни при советской власти, у меня хорошая память, это трудно забыть, и трудно мне советскую власть полюбить. Я не люблю советскую власть. В разных её проявлениях. Не люблю тоталитаризм, не люблю мещанство, не люблю цензуру, не люблю показуху, не люблю чиновничество, бюрократию, спецслужбы, стукачей. Не люблю ограничений на свободу слова, передвижения и совести. Ну, и войну в Афганистане я не люблю, потому что застал это время, был реальным кандидатом.

Уехать. Вернуться. Снова уехать

[17.03.2017. ЖЖ]

Есть три ключевых пункта, которые важно понимать, рассматривая для себя возможность переезда.

№1. Идея уехать из родной страны в чужую не возникает просто так — при листании National Geographic или разглядывании пейзажей на Google Earth. В общем случае это признак крайней степени недовольства тем, как сложилась твоя жизнь в предложенных обстоятельствах. Очень важно понять, чем именно ты на самом деле недоволен в собственной жизни.

У подавляющего большинства задумавшихся об отъезде нет проблем ни с ФСБ, ни с ГУПЭ, ни даже с УБЭП, не говоря уже об ОПГ или бытовом антисемитизме. Зато есть проблемы с повседневным существованием, не приносящим радости. Необходимо разобраться, что именно в нём не устраивает. Потому что если, например, человек в родном городе сильно страдает от одиночества, то с переездом в чужую, незнакомую страну это чувство лишь усугубится. Если тебе трудно устанавливать контакт с людьми, с которыми ты гово-

ришь на одном языке и читал в детстве одни книги — вряд ли эти твои коммуникативные барьеры куда-то денутся при встрече с иностранцами.

№2. Каждый задумавшийся об эмиграции совершенно точно знает, откуда он собрался уезжать. Но очень мало кто представляет себе, куда он хотел бы попасть. В теории, конечно, легко сказать: хочу туда, где солнце, пальмы, тепло и не страшно. Но это всё равно что сказать: хочу жену с двумя ногами и двумя руками. Если вдуматься, под такое определение подходит даже Путин В.В. Но на самом-то деле нет на свете двух людей с одинаковым набором требований к стране проживания. И, по большому счёту, нет ни одной страны на свете, о которой можно составить полноценное представление на основании фотографий, чужих рассказов, журнальных статей, книг или фильмов.

Единственный способ избежать реальных больших обломов при смене места жительства — съездить в страну, куда ты собрался переселяться, и попробовать там пожить хотя бы те 90 дней, которые отпущены типовой туристической визой. Если в дальнейшем собираешься в этой стране учиться — провести какую-то часть этого времени на кампусах и в вузах, благо во всех странах, кроме России и Турции, вход туда свободный. Если хочешь делать бизнес — поизучать с близкого расстояния, как он там устроен. Если собираешься работать по найму — пообщаться с потенциальными нанимателями. В отличие от постсоветского пространства, западный мир — цивилизация открытых дверей. На человека, проявляющего интерес, там не смотрят как на шпиона. Если же за 90 дней в стране тебе там не открылась ни одна дверь — стоит задуматься, кому ты там нужен, и стоит ли туда ехать...

№3. Из большинства привлекательных в смысле эмиграции стран выехать не сложнее, чем въехать в них. Поэтому никакой переезд не стоит рассматривать как действие, предопределяющее всю твою судьбу до гробовой доски. Жизнь длинная, можно успеть пожить в любом количестве стран, в том числе — чередуя пребывание в разных полушариях, климатических и часовых поясах. Если не рассматривать никакой пункт назначения как твою судьбу до конца дней, гораздо легче смириться с его недостатками. Ибо, как говорилось в известной комедии, nobody's perfect.

Закон о возвращении

[август 1992. Пятница]

В полночь 16 августа двухпалубный речной теплоход “Коттон Клуб” отчалил от пристани напротив гостиницы “Россия” и взял курс на Бережковскую набережную под Киевским вокзалом. Входной би-

лет — 500 рублей. В салоне, оклеенном плёнками серебристого целлофана, гроыхала музыка, пружинисто танцевали пары. За столиками последние могиране столичной богемы лихо опустошали бомбу за бомбой полусухого шампанского. Разговор не клеился. Десятый косяк шёл по кругу мимо иллюминатора, распространяя по салону неподражаемый сладковато-зелёный запах, но никого всерьёз не зацепляя. С верхней палубы, где пирующие забыли наблюдать время чумы, в чёрную воду летели пустые бутылки и пропадали, блеснув, в перспективе за кормой. Справа по борту тянулись сырые от дождей вишневые стены Кремля. Слева — яичная охра британского посольства, купола церквей, особняки прежнего и нынешнего купечества, открыточные виды дореформенного Замоскворечья. Потом — серая глыба Дома на набережной, стрелка острова, шоколадная фабрика, дом художников, тоже слева. А справа — бассейн “Москва”, бывший и будущий храм Христа Спасителя. Бесшумной птицей проплыл над головами Крымский мост, и вот уже слева — Парк культуры, а справа — Фрунзенская набережная. Впереди — Воробьёвы горы. Вверху — беззвёздное небо. На часах — половина первого. На корме кто-то, жадно раскрыв рот, глотает вечернюю порцию домашнего приготовления ЛСД. Ему вот-вот станет хорошо. Одна порция стоит доллар, а тащишься потом на все сто. Москва, как много в этом звуке.

— Расскажи, как ты там живёшь, — говорит Константин Эдуардович, глядя расслабленно за борт, на пролетающую мимо пустую бутылку. Шлёп! Бутылка исчезает в темноте. Константин Эдуардович тоже давно уже не коктебелец и даже не москвич. Он оставил квартиру на Белорусской и мастерскую на Фурманном, живёт в стране Германия, но на общей небрежности его стиля переезд в Среднюю Европу никак не отразился. — Я слышал, ты там в Палестине какую-то газету редактируешь. Разбогател, прославился...

— Слухи сильно преувеличены. Живу, конечно... Пока не голодаю. Вписываюсь в окружающий пейзаж. Расскажи лучше про Германию. Нужны ли там московские художники, и зачем.

Двухпалубный речной теплоход “Коттон Клуб”, обогнув Новодевичий монастырь, приближается к пристани у Киевского вокзала. В салоне пляшут рок-н-ролл, на палубе сосредоточенно блюют за борт.

— Ты, конечно, меня не узнаёшь?

— Почему же? Конечно, узнаю. Только имени не вспомню...

...Я возвратился в Москву после почти трёхлетнего отсутствия — не на белом коне, как мечталось деятелям первой эмиграции, не на белом лебеде, как какой-нибудь Лоэнгрин, и даже не на башне прошедшего пол-Европы закопченного танка “Меркава”, как герой одного ненаписанного израильского романа. В перво-

престольную доставил меня вечнобеременный лайнер бело-голубых авиалиний, далеко за полночь, в холодную августовскую изморось. Пограничник строго сверил лицо на визе с лицом за стеклом, прикинул на глаз возраст моей бороды и шлёпнул розовую печать. Таможенник отвернулся от моего саквояжа, стыдливый, как девушка, и сказал на мой вопрос о новых таможенных правилах в России: “Нас теперь вообще ничего не интересует”. В самом деле, ничего. Кроме, разве что, сигарет. Их у иностранца в России норовит стрельнуть каждый встреченный солдат, милиционер, омоновец, и в особенности — таможенник и пограничник.

“Здравствуй, мама, возвратились мы не все”, — пелось в пятнадцатилетней давности тухмановском шлягере. К израильским русским это, пожалуй, не относится. Из наших палестин, пусть на время, но возвратились все. И те, кто каждую ночь видели Россию во сне, и те, кто каждый день начинали с проклятий в её адрес. На любом сколько-нибудь достойном внимания светском рауте в Москве можно, наряду с Аксеновым, Войновичем и М.С.Горбачевым, повстречать немало лиц, знакомых по Иерусалиму. Москва сегодня является центром репатриации гораздо более массовой, чем здешняя наша алия, да и принимают приехавших намного лучше. Во-первых, их там любят и уважают. Во-вторых, общее экономическое благополучие в “долларовой зоне” позволяет и гостям, и хозяевам ни в чём себе не отказывать... В-третьих, абсорбция в России отдана на откуп не правительственным чиновникам (которых вообще довольно трудно сыскать в столице проигравшего социализма), а родственникам и друзьям детства приезжающих репатриантов. В-четвёртых, полегче с жильём: укладываясь спать в своей квартирке на Речном вокзале через несколько часов после прилета в Москву, я поймал себя на крамольной мысли, что впервые за почти что 30 месяцев смогу уснуть в своей — действительно своей, не арендованной и ни у кого не одолженной — постели. Чувство престранное, но нельзя назвать его неприятным. И, наконец, нет проблем языкового барьера, хотя у меня не меньше недели заняло выучивание новых российских слов и понятий — всевозможных ТОО, СКВ, РТСБ и СБСЕ (смысл последнего я так и не сумел выяснить; запомнил только, что Грузия в эту штуку уже принята).

Возвращенец на географическую родину задолго до своего отъезда в Россию начинает слышать от окружающих о предстоящей встрече с преступностью, антисемитизмом и голодом. “Когда попадёшь в Москву, не выходи из дому без баллончика, — напутствуют путешественника родные и близкие, заботливо округляя глаза. — В кипе на улицу не показывайся: убьют сразу. А все продукты, которые хочешь там съесть, возьми с собой из Израила”.

Что касается баллончика — скорее всего, он действительно нужен московскому жителю. В первую очередь для хорошего самочувствия. Некоторые для той же цели предпочитают пистолет. Впрочем, ни перестрелки, ни даже приличной уличной драки мне в Москве за две недели пребывания увидеть не довелось. Я много гулял по столице в ночные часы — по Сретенке, Садовому кольцу, Речному вокзалу, Юго-Западу — никто так на меня и не напал, к большому профессиональному разочарованию. Постоянно присутствовало ощущение, что милиция, если что, за меня не заступится, однако надобности такой не возникло. Один раз, однако, я всерьёз приготовился к худшему: когда вдруг в два часа ночи на Сретенском бульваре навстречу мне из подворотни вышел странный человек и двинулся в мою сторону, широко разведя руки. Дело было на второй день моего пребывания в России. “Палестинец! — по иерусалимскому рефлексу мелькнула мысль. — Наверное, с ножом...”

Тут же я вспомнил, что палестинцы остались в четырех тысячах километров к югу, что дело происходит в Москве, далеко от интифады. И, вздохнув облегченно, я сделал решительный шаг навстречу ночному незнакомцу. Скорее всего, я толкнул бы его плечом, но он вовремя шарахнулся от меня в сторону. “Бойтся, — понял я. — Правильно делает. Иначе мне бы пришлось бояться”.

В отношении антисемитизма положение со времени моего отъезда не слишком изменилось. По-прежнему погромы в Москве являются козырной темой — как для салонных бесед, так и для демократической прессы. При этом, как и в 1990 году, никаких погромов нет и не предвидится. В подземном переходе на Пушкинской можно купить десятки антисемитских и просто фашистских (с настоящей свастикой) изданий, “Еврейский вопрос” Достоевского, “Протоколы сионских мудрецов” и другую аналогичную литературу. Основными покупателями этой продукции являются столичные и заезжие из Израиля евреи. Издатели газеты “Память” до сих пор не могут сбыть тираж своего органа за февраль 1991 года. “Пульс Тушина” в нынешнем году вышел два раза, и оба номера лежат, пожелтевшие, как осенняя листва, у ног пожилой продавщицы. “Покупайте, люди русские, патриотические издания!” — вялым голосом вызывает она, покуда прохожие толпятся у лотка с последним выпуском газеты сексуальных меньшинств “Тема” и торгуются с продавцом брошюры “Как обойти российские налоги”.

— Дай-ка мне, мать, чего-нибудь патриотического, — прошу я. — А то давно мне в бусурманской земле Русью не пахло...

— Бери, сынок, бери, — расцветает продавщица, вставая на колени, чтобы дотянуться до патриотических изданий, разложенных на здоровенной простыне. — Каких тебе газет? Тут все хорошие, патриотические...

— А ты мне всех и дай, — говорю я, быстро усваивая её былинную интонацию. — Читать буду, знаний набираться... И “Завещание Гитлера” не забудь, больно название хорошее...

Лицо её омрачается искренним сочувствием ко мне.

— Дорогое оно, сынок, — говорит продавщица. — Пятьдесят рублей.

— Ничего, осилим с Божьей помощью, — говорю я, былинно почесав затылок под кипой. Продавщица принимается ползать по простыне, собирая к моим ногам ворох патриотических изданий. Здесь и “День”, и “Российское воскресенье”, и “Пульс Тушина”, и “Пульс России”, и “Наше время”, и “Молния”, и “Дело”, и “Положение дел”, и “Русские ведомости”, и “Родные просторы”...

— Возьмите “Земщину”, молодой человек, — слышу я над ухом чей-то печальный голос. — Вам очень полезно будет знать, что тут у нас происходит.

Оглянувшись, вижу рядом с собой лицо недвусмысленной национальности. Причём не одно. Зрелище израильянина, скупающего патриотические издания, оказалось притягательно для десятка прохожих самого разного возраста. Обступив меня, они подают советы.

— “Казачьи ведомости” возьмите! Очень серьёзное издание... А “Русское национальное возрождение” вы уже купили?

— Слышишь, мать, что народ говорит, — обращаюсь к продавщице, — не утаивай ничего, все в кучу вали! Чем больше мудрости — тем больше печали!

— Вам смешно, — укоризненно говорит инженерного вида экснострис, который присоветовал мне купить “Земщину”. — А нам здесь это совершенно не смешно. Нам всем это очень серьёзно...

— Адрес нашего посольства: Москва, Большая Ордынка, 54, — ледяным голосом прерываю я этот плач Иеремии Ярославны. — Когда вам станет достаточно серьёзно, добро пожаловать. А мне все это смешно, чего и вам желаю.

Продавщица закончила окучивание патриотической печати, протягивает мне здоровенный сноп литературы и смотрит опасно.

— 185 рублей, сынок, — говорит она, испытывая какое-то неудобство от непомерно великой цифры.

Я даю ей две сотни, и сдачи у неё, естественно, нет: видимо, я первый покупатель за прошедшую неделю...

— Оставь себе, мать. На развитие патриотического дела в России.

...В день моего приезда я побывал в пяти домах: у бабушки, у мамы, у соседей по дому, у друзей-художников. Пять раз я услышал: “Сними кипу, тебя за неё убьют”. И пять раз поблагодарил за

предупреждение. Таковы были мои встречи с российским антисемитизмом.

Что же касается голода — его я в самом деле опасался, ежевечерне наблюдая по кабелям за многокилометровыми очередями в московские продовольственные магазины, видя в репортажах пустые полки универсамов и читая в “Маариве” о постоянной краже неизвестными контейнеров с гуманитарной помощью. “Наверное, напрасно я не взял с собой консервы из Израиля, — думал я, проходя таможеню. — Придётся худеть”.

Но уже дома, на Речном вокзале, отодвигая блюдце с чёрной икрой (“мне нельзя, мама, она некошерная”) и намазывая крупные зерна красной на ломоть рижского — с тмином — хлеба, в ожидании печеной индейки из духовки, я расслабился: даст бог, с голоду не помрём. Салатиком перебежусь (фруктовый салат в кафе “Марика” на Петровке: ломтики арбуза и дыни, персики, абрикосы, груши, сливы, виноград), рыбкой (осетрина фри, стерлядь, лосось, а для закоснелых сионистов — гефилте фиш в ресторане “Москва”), мяском (“язык не свиной, он говяжий, вам можно,” — официант в кафе “Чистые пруды”), жульенами, блинчиками с икрой, таргалетками и киевскими котлетками (“только чтобы масло было растительное, пожалуйста”). Запивать будем джином “Гордон” или “Белой лошадью”. В минуты трезвости — апельсиновым соком “Яффо”, производимым почему-то в Греции. Или баночным пивом “Хайнекен”. Впрочем, Генделев об этом уже писал во “Времени”, прислал даже счёт за ужин на тысячу с чем-то рублей. Только он забыл приписать, что тысяча с чем-то рублей — это в сегодняшней Российской Федерации пять долларов... Возвращаясь из Москвы, мне хотелось везти с собой продовольствие сумками — жаль только, российские таможенные правила этого не допускают. Ограничился икрой.

...Теплоход “Коттон клуб” отчалил от Киевского вокзала и взял курс на Серебряный бор. В салоне снова танцевали, на палубе спали, на корме спорили увядающими голосами, кому очередь идти в трюм забивать косяк. За бортом проплыли Белый дом и Хаммеровский центр (справа), нарышкинская церковь и филевский элеватор (слева). Затем началось что-то совершенно непонятное: какие-то заводы, заброшенные дебаркадеры, пустоши, фосфоресцирующие деревни с обеих сторон...

— Поразительно, — заметил Илья Владимирович Ценципердт (именно так, ни в коем случае не пропускать “дт” на конце), обозревая невнятное Куинджи за бортом. — Сколько лет живу в Москве, никогда не подозревал, что в ней есть такие пейзажи. Век живи — век учишься.

— Здесь должны быть Мневники, — сказал я. — Улица Салля-Мудилия, больница 67, кинотеатр “Патриот”. А слева сейчас бу-

дет Троице-Лыково, Филевский парк, Крылатское... Все идёт по плану.

Вообще-то в Москве ничего не идёт по плану. Все, что может оказаться не так, оказывается. Например, договорившись вечером с продавцом из коммерческого киоска, что с утра я обменяю у него сто долларов, наутро я не нашёл на месте не только продавца, но и киоска. Только белёсый квадрат на пыльном асфальте напоминал, что вчера ещё это место не было пусто. А на следующий день поверх пятна на асфальте встал новый киоск — на сей раз газетный, и там сидел новый продавец. Та же история повсеместно повторяется с компаниями, биржами, банками, товарами и ценами: сегодня — одно, завтра — другое, послезавтра — что-то вообще непредсказуемое. В таком же ритме работает и российское правительство, каждый день принимая очередное постановление, отменяя вчерашнее и видоизменяя позавчерашнее. Справочник “Как обойти российские налоги” переиздаётся чуть ли не еженедельно, по мере добавления новых налогов и изменения старых.

Зарплату москвичам не платят по несколько месяцев. Впрочем, они на неё и не живут. Все, у кого есть машины, занимаются частным извозом. Прочие продают квартиры и мебель, посредничают, живут на переводы от закордонных родственников (прожиточный минимум в Москве составляет 5300 рублей, то есть 26,5 долларов на человека; средняя зарплата — 2000 рублей плюс-минус). Лишённые всех этих возможностей — в основном пожилые люди, пенсионеры и инвалиды — получают специальный подарок на похороны от столичной префектуры (бывшего Моссовета) в размере 2300 рублей. Столько стоит крепкий гроб с кистями для москвича среднего роста. Прочие — кроме гроба — расходы по собственному захоронению жителю российской столицы предлагается оплатить самостоятельно. Общая стоимость похорон на сегодняшний день составляет в Москве около 5000 рублей на душу населения. Точь-в-точь как прожиточный минимум.

— Нам лучше, — похвастался я, когда бабушка ознакомила меня с этими выкладками. — У нас “Сохнут” берёт на себя все расходы. Но только в первые три года. Они, собственно, и даются репатрианту на то, чтобы заработать на собственные похороны.

Последнюю фразу я, к счастью, договорил про себя.

...Теплоход “Коттон клуб” миновал теснину между Серебряным бором и Строгино, вошёл в шлюз и стал спускаться в направлении Водного стадиона. В рублёвом баре шампанское уже кончилось, в валютном — только начиналось.

— Я, собственно говоря, и не собирался никуда отсюда уезжать, — сказал Олег Борисович Генин с неизбежной печалью в голосе. — Все разъехались, а я так тут и оставался все время. Но пре-

ступность меня очень сильно беспокоит. Сидишь в ресторане, обедаешь, и тут вдруг вламываются с автоматами...

— А ты дома пообедай, — посоветовал я. — Впрочем, тоже, на верное, вломятся...

— Мысль, — откликнулся Генин. — Домой пока не вламывались.

...Когда мы высаживались на пристань у Киевского вокзала, над Москвой занималось утро. Меня подобрал заблудившийся рейсовый автобус непонятного маршрута. За двести рублей он согласился отвезти меня на Сретенку. Внутри сидело три-четыре смурных личности. На остановках вошли ещё двое. Куда идёт автобус — никто не спрашивал.

— Вот я, например, еду на работу, — внезапно сказал испитого вида человек в спецовке и красной каске. — Три часа утра, а я еду на работу...

— Четыре, — отозвались от задней двери. — Четыре часа утра.

— Вот и я говорю: куда идёт Россия?! — продолжал человек в каске. — Раньше все было, а теперь уже ничего нет. И не будет, всё просрали. Будущее своё мы просрали. Я, например, еду на работу. А ты, мусульманин? — он неожиданно повернулся ко мне. — Ты где работаешь? Небось, на бирже... Или в ЭСПЭ?

— Я работаю экономическим редактором газеты “Вести”, — неожиданно чётко и внятно сказал я, глядя прямо в глаза незнакомцу. — Я буду выпускать четыре полосы в неделю про экономику. Сейчас я в отпуске. И вообще я не мусульманин.

Автобус резко затормозил возле Ушей — чугунного истукана Н.К.Крупской на углу Сретенки и Бульварного кольца. В салоне зажгся свет, и двери открылись. Я вышел.

— А кто же ты, мусульманин? — крикнули мне в спину. Двери лязгнули, и автобус уехал дальше по Сретенке в сторону бывшей Колхозной, ныне Сухаревской площади, увозя вопрос без ответа.

— Я работаю экономическим редактором газеты “Вести”, — повторил я, чувствуя, как ко мне постепенно возвращается чувство реальности. Сретенка спала, в отдалении вяло брызгала на асфальт и шуршала щетиной по мостовой поливальная машина. Фонари не горели, но над деревьями медленно растекался вишневый рассвет. Дул сырой утренний ветер.

— Сейчас я в отпуске, — продолжал я, подойдя к подножью чугунной бабы. — Но послезавтра я вернусь в Иерусалим. И выйду на работу.

Надежда Константиновна молча смотрела прямо перед собой — через улицу, на дверь магазина “Цветы”. её глаза навывкате были пусты. И я действительно вернулся в Иерусалим и вышел на работу.

Когда я уезжал, я понимал, что Россия может пойти по одному из двух путей развития. Один путь развития — это развал советской власти и построение на её месте какого-то нормального осмысленного государства с нормальной экономикой. В этом случае я уезжаю не навсегда. Другой вариант — возврат, восстановление, реставрация старых советских порядков, колючей проволоки, железного занавеса. И тогда могло бы так случиться, что я долго ещё не попаду в эту страну. Но я был совершенно уверен, что во втором случае хотел бы быть по ту сторону колючей проволоки, а не по эту.

Оптимистический сценарий моего отъезда сбился. Здесь действительно образовалась нормальная страна с открытыми границами, в которой можно в любой момент уехать и приехать. И логика того дела, которым я занимался последние несколько лет перед своим возвращением — интернет и построение киберпространства, — предопределяла, что место моё — с русским языком, с русскими гуманитарными интересами, место моё — в метрополии, в Москве, а не в Израиле, где русский язык маргинален и носители его маргинальны.

Я не собираюсь жить вечно, поэтому не думаю, что у каких-то из моих действий есть вечные последствия. Я считаю, что живу в мире без границ, где производственная необходимость, или семейная необходимость, или какая-то другая жизненная необходимость может заставить меня поменять место жительства на любой — даже продолжительный — срок.

Нет такого человека, который называется “эмигрантом из Великобритании”. Нет такого человека, который называется “эмигрантом из США”. В свободной стране человек свободен, он встаёт и едет. Он не меняет при этом статуса. Его свобода подразумевает свободу выбора места, где он в эту минуту находится. Существует, наверное, полмиллиона граждан западных стран, которые постоянно живут и работают в Москве. Ни про кого из них мы не говорим “эмигрант”. Мы можем произнести английское слово “экспат”, можем сказать “иностранец”, но мы не говорим “эмигрант”. И даже непонятно про гражданина свободной цивилизованной западной страны: в какой момент, по какой причине мы бы начали называть его “эмигрантом”? Если же мы возьмем любую тоталитарную страну, будь то Иран, Ирак, Северная Корея, Белоруссия, то уроженец этой страны, находящийся в другом месте, находится в эмиграции. Почему? Потому что это тоталитарная страна, которая для своих граждан является концлагерем, которая обнесена колючей проволокой, и пересечение этой колючей проволоки означает для человека переход в другой статус. Этого нет в цивилизованных странах.

Эта страна — часть меня, необходимая часть меня, без которой я не мыслю своего существования. Это та часть моей жизни, которая занимает значительную часть моих мыслей, и я — часть этой страны. Такое ощущение сопричастности у меня возникает с этой страной и не возникает с огромным количеством других стран, более счастливых, благополучных, богатых, сытых, и таких стран, в которых я предпочел бы вести бизнес. Но моё место — здесь.

Почему я dolboeb

[11.05.2016. ЖЖ]

В 1996 году в интернете практически не существовало площадок, использующих логин пользователя в качестве публичного адреса URL. Даже крупнейший в ту пору веб-хостинг GeoPages (поглощённый Яхой и переименованный в GeoCities) присваивал страницам своих абонентов цифровые, а не буквенные адреса. Ники (они же юзернеймы, логины, имена пользователей) в ту пору предназначены были исключительно для приватного захода пользователей в свои личные кабинеты в разных системах, поголовно англоязычных. Они были известны только самому пользователю и бездушному американскому сервису. Доступ третьих лиц к этой информации не предусматривался.

В половине таких сервисов, придя туда в 1995-м, я успел бы ещё назваться anton. В остальных этот логин был уже занят моими тёзками. Можно было, конечно, использовать для тех же целей фамилию — но тогда пришлось бы запоминать, через сколько s я её написал, когда регистрировался в данной конкретной системе (у меня есть и паспорта, и кредитные карточки, где моя фамилия написана разными способами). Чтобы не морочить себе голову, я придумал некий универсальный логин, который был гарантированно свободен в любой англоязычной многопользовательской системе, поскольку на английском это слово является бессмысленным набором букв. Зато интуитивно совершенно понятно, как оно должно писаться латиницей. Так возник логин dolboeb, и в последующее пятилетие я с ним зарегистрировался в полусотне различных сервисов, платных и бесплатных. Везде он был предсказуемо свободен, как я и рассчитывал.

Когда в моей жизни появился ЖЖ, у меня и в мыслях не было, что он когда-нибудь станет моей главной публичной площадкой. Я зарегистрировался там в феврале 2001-го, просто чтобы протестировать новую и революционную по своим возможностям си-

стему самопубликации. Писал всякие “lorem ipsum dolor sit amet”*, “The quick brown fox jumps over the lazy dog”, копирастил случайные отрывки из онлайн-статей — короче, тестировал HTML-вёрстку, чисто для собственного понимания функционала. Никакой потребности самовыражаться через эти посты у меня в ту пору не было: к тому времени я уже пять лет вёл свой блог “Вечерний Интернет” на московском хостинге, а попутно совмещал полдюжины главноредаторских и гендиректорских должностей в разных медийных стартапах и холдингах (Лента.Ру, Рамблер, МеМоНет).

Когда случилось так, что ведение блога в ЖЖ меня увлекло и стало занятием регулярным (из-за простоты самопубликации по сравнению с ручной вёрсткой HTML и приятной подобранный компанией коллег на этом хостинге), статус записок остался приватным. Мне совершенно не нужно было, чтобы здешние мои мнения и суждения кто-нибудь из пишущей братии начал вдруг цитировать как официальную позицию “Рамблера”, “МеМоНет” или “Ленты”. В этом смысле было очень даже хорошо и удачно, что журнал называется dolboeb: цитировать источник с таким адресом в качестве чьей бы то ни было официальной позиции рука действительно ни у кого не поднялась. Правда, уже в 2005 году по поводу одного из постов в моём ЖЖ случилось уголовное разбирательство в Головинском райсуде, и тогда уж коллеги из разных СМИ, освещавших процесс, не упустили случая повеселиться над названием иска... А когда спустя ещё несколько лет пришла пора регистрироваться в твиттере и фейсбуке, то ник, одноимённый этому ЖЖ, мне там уже не достался. Как и никакой домен с использованием этого имени: всё расхватили поклонники. Поэтому пришлось поменять последнюю букву. В твиттере, инстаграме и некоторых других сетях мой аккаунт называется dolboed. Именно под этим ником меня фолловят Путин с Медведевым.

Могут ли долбоёбы из РКН запретить слово dolboeb

[22.03.2017. ЖЖ]

Покуда я путешествовал, Роскомцензура вынесла предупреждение изданию “Эксперт-Урал” за цитирование моего ЖЖ и конкретно ника dolboeb. Почему так повезло именно “Эксперт-Уралу” — ума не приложу. Яндекс.Новости подсказывают, что таких предупреж-

* Классический текст-“рыба” (условный заполнитель, вставляемый в макет страницы), искажённый отрывок из философского трактата Марка Туллия Цицерона “О пределах добра и зла”.